

Поздним майским вечером 1921 года на кубанском хуторе Чехрак возле хаты казака Семёна Колесниченко под развесистой яблоней сидели двое – сам хозяин Семён и его сват Григорий Васильков, урядник из станицы Исправной. Говорили о наболевшем.

– Не даёт, сват, эта власть казаку спокойно хозяйствовать, – Семён плеснул в кружки из бутылки самогона и подвинул Григорию тарелки с нарезанным салом и хлебом. – Пахать да сеять надо, а сколько казаков прячется по лесам да балкам! Седьмой год воюем, то с германцами, то друг с другом. И когда это кончится, сват?

– Что верно, то верно, – Григорий поддержал свата, – то из Баталпашинской чекисты набегут, то из Отрадной, заберут казака – и с концами. Ладно, давай, сват, по последней!

Казаки молча выпили и закусили. Семён с Григорием поженили своих детей, как уговорились ещё на действительной службе. Дочь Семёна Шура и сын Григория Андрей уже успели подарить родителям пятерых внучков.

Из хаты вышла Мария – жена Семёна:

– Сёма, – обратилась она к мужу, – не надо ли чего?

– Нет, – ответил Семён, – ты ложись. Мы тут недолго, и тоже пойдём почитать.

– Как там Андрей? – спросил Григорий.

– Да спит уже. И я тоже пошла.

За Марией скрипнула дверь.

– Я, сват, вот почему привёз к тебе Андрея на несколько дней, – вновь заговорил Григорий, – из Отрадной вернулся наш исправненский Захар Литвин. У него там зять в станичном совете. Так вот Захар говорит, что две сотни чекистов верхом да на тачанках прибыли. Будут по станицам рейды делать. Думаю, к нам-то непременно явятся. Старого казака и женщин, скорее всего, не тронут, а вот Андрея могут прихватить, хотя он ни за белых, ни за красных не воевал. Лучше побережись.

– Да пусть поживёт, сколько надо, – Семён вздохнул, – но давай, сват и мы пойдём в хату.

– И то правда, – Григорий поднялся, – спасибо за утешение, – и перекрестился.

Ранним утром Григорий простался со сватами и сыном Андреем:

– Даст Бог, свидимся, родные мои.

Голос его неожиданно дрогнул, а глаза повлажнели:

– Андрей, помогай тут свату. Когда всё уляжется, приеду за тобой.

Быстро взобравшись на сиденье подводы, он сердито прикрикнул на мерина Зайчика:

– А ну, пошёл! – и дёрнул вожжи.

Григорий выехал из хутора, думая уже о доме, где его ждали дела, жена Васса, невестка Шура и внучки.

Вспомнив внучек, Григорий вздохнул. Андрей был единственным ребёнком в семье. И вот, всё внучки да внучки. Ни одного казака-наследника Бог не дал, а хозяйству нужны мужские руки.

Внучек Григорий, конечно, любил. В минуты отдыха, особенно, когда удавалось угоститься стаканчиком самогонки, Григорий подзывал самых младших своей любимой присказкой для всех случаев жизни:

– Идите ко мне, родные мои!

Прижимал к себе их головки, гладил и спрашивал: – Ну, чем сегодня помогли бабушке и маме? – и слушал их рассказы о нехитрых домашних делах.

Зайчик уверенно вышагивал по знакомой дороге, припуская ненадолго трусцой, когда Григорий, тряхнув вожжами, прикрикивал:

– А ну, веселей, Зайчик, дома нас ждут!

Подъехав к станице, Григорий ещё издали заметил у дороги трёх человек с винтовками за плечами. Их кони стояли привязанными к зазеленевшим деревьям. Почему-то стало тревожно на сердце. Подъехав ближе, Григорий узнал в одном из этих людей станичника Подласова. Сейчас Подласов в комитете бедноты заседает, а до Великой войны был за худальным казаком, любящим выпить и повеселиться.

С Подласовым у Григория были непростые отношения. Как-то, ещё до войны, Подласов, загулявший с Пасхи на неделю, решил на самую Красную Горку съездить в лес за дровами. Выехал

он затемно, чтобы никому не попасться на глаза. Но в станице редко кому это удаётся сделать. Дошло до атамана. Работать в воскресенье, пропуская церковную службу, для казака большой грех. Тогда на казачьем кругу решили за эту провинность наказать Подласова десятью ударами плети. Поставили скамью, положили на неё провинившегося, аплетьатаман вручил Григорию:

– Давай, исполний приговор.

Отказываться в таких случаях не принято. Исполнил. Вроде и бил не со всей силы, но и симулировать нельзя, а то и тебе всыплют той же плетью. И хотя Подласов всё это знал, но с тех пор поглядывал на Григория недобро.

Сейчас с ним были двое чужих. Оба в кожанках и галифе, в хромовых сапогах, на поясе у каждого висела тяжёлая кобура.

«Чекисты – вовремя я Андрея увёз», – промелькнуло в голове Григория.

– Стой, Васильков! – Подласов подошёл с левой стороны, чекисты зашли справа.

«Соображают», – опять подумал про себя Григорий.

– Что везёшь, казак? – поинтересовался один из чужаков с прокуренными тонкими усиками.

– Да ничего. Сына вот отвёз в Баталпашинскую к врачу, ногу он повредил.

Второй чужак, с бородкою клинышком и нагловатыми глазами, запустил руку под охапку сена и нашарил там узел, что сваты дали в дорогу.

– А ну, посмотрим, что там? Давай, развязывай, – бородач кивнул головой на узел.

Григорий подчинился. Каравай хлеба, круг козьего сыра и пирог с курагой выглядели аппетитно.

– О! Да ты богат! – бородач ловко подхватил каравай и сыр, – это нам за службу. Можешь ехать, да из станицы – никуда, всё оцеплено.

Григорий резко дёрнул вожжи – Зайчик затрусил домой. Вроде бы и не велика потеря – хлеб да сыр, – а на душе было противно. Завернув на свою улицу, он увидел Степана Кузовлёва, возившегося во дворе. Его сын Дмитрий скрывался от советской власти где-то в округе. Остановив Зайчика, Григорий окликнул Степана:

– Здорово, Степан! Бог в помощь!

– Здорово, Григорий! Откуда будешь? – откликнулся Степан.

– Да вот Андрея отвёз в Баталпашинскую – прихрамывать стал что-то. Оставил подлечиться. А что за народ в станице? Не чекисты ли?

Степан ответил, понизив голос:

– Они самые. «Зелёных» ищут. По дворам шарят. Да кто знает, где эти «зелёные»? – и усмехнулся.

– Ну ладно, прощевай, Степан, – Григорий тронул Зайчика.

Дома Васса, затворив ворота за мужем, сразу подходить к нему с расспросами не стала. Григорий, обдумывая последние новости, неторопливо распряг Зайчика, завёл его в конюшню и бросил охапку сена. Потом повесил сбрую на гвоздь, забрал из подводы узел с пирогом и, наконец, пошёл в дом.

– Ну, здравствуйте, родные мои! – обнял он подбежавших внучек, – А ну, принимайте гостинец. Из Чехрака, от дедушки Семёна и бабушки Марии.

Внучки взяли пирог и вопросительно посмотрели на мать. Шура распорядилась:

– Обедать будем – потом и пирог отведаете.

Вассе и Шуре не терпелось рассказать Григорию станичные новости. Взглянув на них, он заметил:

– Всё знаю. На въезде стоят. И Степан кое-что поведал. Вовремя я Андрея увёз. Давайте обедать, проголодался я.

А в это время в станичном совете шло совещание. Командир отряда ЧОН, бывший матрос Балтийского флота, Матвей Сорокин, говорил, поглядывая на местных коммунистов – членов станичного совета и комитета бедноты:

– Ну, что будем делать, станичники? Обыски ничего не дали. Но около пятидесяти казаков вашей станицы отсутствуют, и, скорее всего, в банде они. Что ж, будете ждать, когда они нагрянут и вам головы открутят?

– Надо показать контре, кто здесь хозяин! – быстро отреагировал один из комитетчиков.

– Вот! – удовлетворённо хмыкнул Сорокин, – сейчас надо составить список станичников мужского пола, чьи родственники скрываются от советской власти. Возраст не имеет значения. Их мы арестуем дадим три дня на то, чтобы беглые сдались. Родственников сдавшихся отпускаем. Остальных пускаем в расход. И никакой жалости! А теперь – за список.

Он повернулся к комиссару отряда Фридману:

– Яша, давай организуй тут писанину, а я пойду, скажу, чтобы ребята готовились.

Маленький, чёрный, как жук, комиссар Яша Фридман, бывший провизор, блеснув стёклышками пенсне и недобро прищурившись, повернулся к комитетчикам:

– Сделаем так: у меня список, по которому мы проводили обыски в станице. Сначала я опрашиваю председателей совета и комитета бедноты, остальные могут пока курить. А потом разговор будет и с вами.

Трое склонились над бумагами, уточняя, кого из семьи беглых нужно брать. Через какое-то время Фридман пригласил остальных комитетчиков – первоначальный список, после уточнений, подросток. Дошли до фамилии Данильченко. Сам хозяин числился в бегах, а дома у него взрослых мужчин не было.

– Так, кто у него там из членов семьи? – Фридман оглядел присутствующих казаков.

– Сын у него там, но ему шестнадцать лет, – ответил комбедовец Скрипка, – маловат для заложника.

– А это ты зря, – возразил Фридман, – как раз подойдёт. Какего зовут?

– Фёдором, – подсказал кто-то.

– Записываю – Фёдор Данильченко, – Фридман довольно улыбнулся, – может, ещё кого-то вспомните – вам же спокойнее будет.

– Можно ещё записать Василькова, – подал голос и Подласов, – сын его Андрей пропал из станицы, а сам он, Григорий, всё куда-то ездит, может, связь поддерживает.

– Это хорошо! – сказал Фридман, дописывая список, – Ну вот, шестьдесят три души набралось. А теперь давайте распределим адреса по группам. Начнём одновременно с четырёх сторон, чтобы не разбегались.

Темнело по-весеннему быстро, и скоро станица затихла. Группы чекистов с местными коммунистами и активистами разошлись по адресам. Вскоре на окраинах залаяли собаки, и нарастающий шум начал приближаться к центру станицы.

Григорий, закрыв баз со скотиной, только-только лёг, а Васса ещё возилась по хозяйству.

– Гриша, что-то шумят сильно, не случилось ли чего?! – тревожно воскликнула она, вслушиваясь в шум на улице.

Григорий встрепенулся – сон мгновенно куда-то улетучился. Стараясь успокоить жену, он произнёс:

– Ты давай ложись, а я выйду, послушаю. Может, комиссары гуляют – им рано не вставать. Ложись, ложись, – и, одевшись, вышел.

«Нет, это не гульба», – прислушавшись, решил Григорий. Заглушая в себе нарастающую тревогу, он пошёл к базу. Подчиняясь природному распорядку, скотина уже спала, в птичьих сараюшках тоже тихо. Лошади ещё всхрапывали, прихватывая сено в кормушках. Вроде бы всё как всегда, но беспокойство не проходило. Постояв ещё немного, Григорий уже собирался вернуться в хату, когда раздался стук в ворота, и чей-то знакомый голос крикнул:

– Васильков, открой, дело есть!

За воротами он увидел пятеро верховых с винтовками за плечами. Среди них Григорий узнал Подласова, чей голос он и слышал.

– Григорий Васильков? – спросил один из всадников.

– Я, – ответил Григорий.

– Да он это, он, – подтвердил Подласов.

– Пойдём в станичный совет – вопросы есть к тебе.

– Да я не одет, – заволновался Григорий.

– Ничего, скоро вернётся. Давай, шагай вперёд, – подтолкнул его нагайкой незнакомец.

Шагнув в улицу, Григорий взглянул на хату. В окошках метался огонёк свечи, и он понял, что жена встала, но вернуться уже было нельзя.

Окна станичного правления ярко светились, несколько из них были открыты. Григория провели в боковую комнату, где трое чекистов, дымя самокрутками, сидели за столом перед бумагами.

– Васильков, – сказал сопровождавший Григория чекист.

Яша Фридман, заглянув в бумаги, спросил:

– Ну, что скажешь, Васильков? Сын твой, говорят, в банде.

Григорий удивился:

– В какой банде? Что вы говорите! Он в Баталпашинской ногу лечит.

Фридман, сверля Григория глазами, повысил голос:

– Ты нам голову не морочь! Все так говорят: то на заработки уехал, то, как у тебя – подлечиться. А кто представителей советской власти убивает? Нет, так не пойдёт, Васильков. Будешь заложником, пока сын не вернётся в станицу.

– Да как же так! – Григорий оторопел. – Андрей мой мухи не обидит! Он же за белых не воевал. Спросите любого в станице. Да и посылать за ним некого, он у меня единственный казак, остальные – жена да невестка, да внучки малолетние, – и с жаром добавил: – сын никогда не выступал против советской власти, ему семью кормить надо. Разберитесь и отпустите меня, Богом прошу.

Фридман хлопнул ладонью по столу:

– В общем, так, Васильков: нам твой бог не указ! Все вы ни при чём! Разговор у нас короткий – сегодня понедельник, если до четверга сын твой не объявится, разговаривать будем по-другому.

Фридман повернулся к двери:

– Дежурный, уведи!

Большой сарай возле станичного правления был набит людьми – ступить некуда. Григорий, стоя в проёме двери, пытался разглядеть, где можно устроиться.

– Григорий, пробирайся сюда, – раздался из темноты знакомый голос Степана Кузовлёва, – направо, направо.

Григорий, осторожно ступая, пошёл на голос.

– Давай, присаживайся, – Степан дёрнул его за кожушок. – А тебя сюда за Андрея, что ли?

Григорий сел:

– Да говорят, что Андрей мой в банде. Ну, какой из него бандит? Четыре года, как с войны пришёл, – и у всех на виду. Думаю, разберутся.

Степан тяжело вздохнул:

– А я понимаю так, что разбираться никто не будет. У них сила – что захотят, то и сделают. Устраивайся, сосед, утро вечера мудренее.

С раннего утра у правления собралась большая толпа станичников и женщин с детьми. Станичное правление и сарай уже были оцеплены чекистами. К арестованным никого не подпускали. Женщины пробовали разжалобить охрану:

– Пустите повидаться, еду передать. Что наши казаки такого сделали, чтобы их под арестом держать? Им землю пахать надо – время в хозяйстве горячее!

Чекист с маузером на боку, видимо, старший, позёвывая, спокойно отвечал на крики:

– Тихо, бабы, не шумите. Начальство проснётся и всё вам объяснит. А галдёж прекратите!

Выкрики понемногу стихли. Ждать пришлось долго. Наконец, дверь станичного правления распахнулась, и на крыльцо правления вышел Яша Фридман.

– Станичники, – его тонкий голосок прорезал тишину, – где-то в районе вашей станицы орудует банда, в которой есть ваши мужья, сыновья и братья. Они убивают представителей советской власти и сочувствующих ей. Гоняться за ними мы не будем. Арестованные вчера ваши родственники будут заложниками. Тех, кто добровольно сдастся нам, мы опросим. Не замаранных преступлениями отпустим домой.

Толпа заволновалась, а Фридман продолжал:

– Как вы донесёте до своих родственников мои слова – дело ваше. Но если послезавтра к вечеру бандиты не сдадутся, заложники будут расстреля-

ны. Тех, кто угрожает советской власти, мы будем карать беспощадно!

С этими словами он повернулся и скрылся за дверью. Толпа гудела, как разворошённый улей. Старший в охране вытащил маузер и дважды выстрелил в воздух:

– Разойтись! Вам всё объяснили, больше разговоров не будет. Лучше бегом туда, где ваши скрываются... А передачи примем, передадим их после проверки.

Шура, ходившая к правлению, бежала домой в слезах. У ворот её уже поджидала Васса.

– Мама, – крикнула подбегавшая Шура, – убить грозят, если Андрей послезавтра не явится к ним. А папаян в заложники взяли. Ну что нам делать?

Васса долго не раздумывала:
– Ты готовь обед – борщ уже варится, а я сама туда схожу.

Быстро одевшись, она подошла к божнице и, достав из-за иконы завязанный узелком белый платочек, сунула его за пазуху.

Собрав еду для Григория, Васса подошла к станичному правлению, где всё ещё продолжали толпиться некоторые станичники, и, оглядевшись, обратилась к старшему охраны, который прохаживался туда-сюда за цепью чекистов:

– Служивый, пропусти меня к Василькову. Муж это мой, вот, поесть ему принесла.

Чекист остановился, поглядел на Вассу и распорядился:

– Пустите бабу. Пусть подойдёт.
Васса устремилась к сараю, но чекист резко остановил её:

– Стой! Куда? Покажи, что несёшь.

Васса подошла и, положив узелок на траву, развязала его. На белом платке лежали каравай хлеба, кусок сала, десяток варёных яиц и завернутый в лист лопуха пучок молодого лука. Взглянув, чекист сказал:

– Оставь, это можно, передадим, а разговаривать с арестованными не разрешается. Можешь идти.
– Мил человек, – запрочитала Васса, – дозволь свидеться с хозяином, может, подскажет, где сына искать. Я понимаю, что порядки строгие, вот, возьмите.

Она быстро достала из-за пазухи спрятанный узелок и развязала его. На платочке засверкало золотое колечко с красным камешком, подаренное когда-то Вассе Григорием и надевавшееся только по воскресеньям в церковь. Чекист огляделся и быстро, не рассматривая, взял кольцо:

– Ладно, иди. Пять минут тебе – и назад! – и крикнул охране: – Василькова вызовите!

Васса, подхватив узелок с едой, бросилась навстречу Григорию:

– Гриша, возьми! – сунула она съестное в руки оторопевшему Григорию и быстро заговорила полушёпотом:

– Надо Андрея вернуть от сватов, а то поубивают вас. Я пошлю Шуру с Верою на хутор, а Гриша?

– Не надо, Васса, – Григорий вздохнул, – один ведь сын у нас. А если не поверят, что он ни в чём замешан?

– Как не поверят, как не поверят! Да полстаницы подтвердит, что он, как вернулся с войны, так дома и был. Нельзя руки складывать раньше

времени! Мне, Гриша, и ты, и сын одинаково нужны – я выбирать не могу. Соглашайся!

– Ой, Васса, ты мёртвого уговоришь, – слабо улыбнулся Григорий. – Ладно, пусть едут. Только сдаётся мне, что это зря. А ты не переживай, – приобнял он Вассу свободной рукой, – как там внучки, родные мои?

– Всё в порядке с ними, ждут тебя, а как же иначе. Ну, я пошла, – заторопилась Васса, – время дорого, а ты не грусти – выпутаемся как-нибудь, – и перекрестила Григория.

– Выпутаемся, Васса, выпутаемся, – проговорил Григорий, провожая жену повлажневшими глазами. Шура уже ждала Вассу у ворот.

– Ну, что там, мама?
– Да выручать надо деда, а то плохо будет, – Васса не давала себе расслабиться. – Собирайся с Верой – и на хутор за Андреем.

В доме сбившиеся в стайку внучки с тревогой смотрели на бабушку и мать. Васса с порога обратилась к Вере:

– Внученька, иди, запрягай Зайчика поскорей, поедете с мамой на хутор за папой.

Вера пулей вылетела во двор. Через пять минут Зайчику уже резво бежал к выезду из станицы.

За крайними хатами дорогу перегораживала тачанка, возле которой переминались трое верховых. А на тачанке, возле пулемёта, сидели ещё двое. Вера натянула вожжи:

– Зайчик, стой!
– Куда едем? – один из верховых, подавшись ближе к подводе, нагнулся и поворошил охাপку сена.

– Пропустите, люди добрые, – слёзно попросила Шура, – ваш начальник сказал, чтобы муж мой объявился, а он на лечение уехал. Дедушку, его отца, в заложники взяли. Мы сегодня же и вернёмся.

Шаривший в сене чекист выпрямился:
– Ничего нет. А выезжать из станицы строго запрещено. Так что поворачивай назад.

Шура растерялась:
– А как же муж узнает, что ему явиться надо?

Чекисты заухмылялись:
– Ишь ты, какая заботливая! А кто о нас позаботится? Выезда нет, поворачивай!

Слёзы брызнули из глаз Шуры:
– Да что же вы за люди-то такие! Ведь невинного губите! Креста что ли на вас нет? Пропустите ради Бога!

– Ни креста у нас нет, ни бога, – чекист зло прищурился, – а если у тебя они водятся, вот пусть и помогают. А мы посмотрим, как это у них получится. Заворачивай вместе со всеми своими богами поскорее, а то будешь в том же сарае сидеть. Ну? Повторять не буду!

Шура, понимая, что уговаривать бесполезно, тихо сказала:

– Давай домой, дочка.
Васса, увидев в окне Зайчика, выскочила на крыльцо, в чём была:

– Чего вернулись? Забыли что?

Сквозь слёзы Шура объяснила:
– Никого не выпускают из станицы, мама, говорят – нельзя.

Васса завелась:

– А ты им сказала, что отец в заложниках?

Какже Андрей узнает, что надо домой вернуться?

– Мама, я им так же сказала, а они не пускают, ещё и в сарай посадить грозились.

Помолчав, свекровь решила:

– Ты посиди с детьми, а я схожу в правление, к их начальнику.

Над майданом стоял гул голосов. В толпе Васса увидела Дарью Кузовлёву и подошла к ней:

– Даша, ты к Степану? Пускают повидаться?

– Еду взяли, а передали или нет, не знаю. Повидаться не пускают. Не знаю, что делать. Да и что здесь голыми руками сделаешь? – Дарья тяжело вздохнула.

Васса решила:

– Пойду я, попробую пробиться, – и прошла вперёд.

За оцеплением прохаживались трое в кожанках с револьверами. Они поглядывали на толпу и о чём-то переговаривались. Васса выкрикнула:

– Пустите к нашему начальнику! У меня муж здесь!

Один из троицы подошёл ближе. Это был Матвей Сорокин:

– Ты чего шумишь? – уставился он на Вассу. – Кто у тебя здесь? Фамилия?

– Васильков Григорий, – Васса заторопилась всё сказать, – дед старый, за сына взяли, который на лечении, а ваши из станицы не выпускают. Как же мы сыну сообщим, что надо в станицу вернуться? Уж вы дайте разрешение невестку выпустить из станицы. Она его и привезёт.

Сорокин усмехнулся:

– Из станицы выпустили несколько человек – достаточно. Всё равно все в одной банде скрываются. Они там всем объяснят, что почём. Вернётся твой сын – деда выпустим. Жди.

Васса взмолилась:

– Да сын ведь не в банде. Он не узнает, что в станицу ему надо прибыть, если не передать ему. Разрешите выехать невестке, а то не успеет.

Сорокин зло отмахнулся:

– Все так говорят: то летатся, то в гостях. Выезда больше не будет! Разговор окончен! – и пошёл к крыльцу.

Васса растерянно смотрела ему вслед.

В тревожных ожиданиях прошли ещё два дня. К заложникам больше никого не пускали. Станичники передавали друг другу, что надо и ночью не уходить.

А в сарае не спали, ожидая рассвета. Григорий успокаивал Степана:

– Моему Андрею, видно, не смогли передать, что тут творится. А твой Тимофей, может, уже подъезжает. Кто-то всё-таки к нашим казакам пробрался, думаю. Держись, Стёпа!

Степан вяло отозвался:

– Держусь, Гриша. А Тимофей пусть подальше куда бежит, он молодой, ему жить надо. Жаль, что жизнь так поворачивается, да что делать?

Григорий и сам уже понимал, что добром это вряд ли кончится.

Чуть забрезжил рассвет, дверь правления открылась. На крыльцо вышли Сорокин и Фридман. Глянув на толпу, Сорокин предупредил:

– Близо не подходить, ничего не передавать! Стреляем без предупреждения!

Несколько пожилых казаков всё же протиснулись к дверям сарая, чтобы в последний раз взглянуть на своих близких. Скоро людей стали выводить из сарая со связанными за спиной руками. Чекисты с винтовками образовали коридор, чтобы никто не подходил к арестованным. Родственники, завидев своих, окликали их. Заложники отзывались.

Охрана, успокаивая толпу, отвлеклась. В это время выводили из сарая очередную группу. Среди них был и Федька Данильченко. Один из казаков, видя, что ближайший к нему чекист смотрит в другую сторону, резко толкнул Федьку за дверь и прикрыл его собой. Этого никто не заметил. А парень быстро растворился в рассветных сумерках.

Наконец, вывели последних. Сбив людей в колонну, чекисты повели их к реке. Впереди двигалась тачанка с пулемётом, по бокам колонны шли пешие чекисты с винтовками. А за ними следовали верховые с шашками наголо. Замыкала колонну ещё одна тачанка. На некотором удалении следом шли родственники обречённых. Немного не доходя до берега, арестованных остановили. Пулемётчики взяли на прицел толпу станичников. Сорокин крикнул:

– Дальше не двигаться – будем стрелять! – и, подъехав к толпе, объявил:

– Никто из банды не явился добровольно. Поэтому, согласно чрезвычайным полномочиям, данным мне советской властью, караю заложников смертной казнью через расстрел. Вашим родственникам-бандитам их не жалко, а нам тем более, – и повернулся к Фридману:

Яша, командуй!

Первую десятку обречённых поставили спиной к берегу. Чекисты с винтовками стали напротив них. Фридман скомандовал:

– Заряжай!

Затворы защёлкали, досылая патроны в стволы винтовок.

– Целься! – продолжил Фридман, – По врагам советской власти – огонь!

Залп разорвал ночную тишину. Станичники причитали и крестились, шепча молитвы. Во дворах залаляли разбуженные собаки.

Григорий со Степаном были во второй десятке.

– Прощай, Гриша, – Степан чуть прижался к Василькову плечом.

– Прощай, Степан, там свидимся, – как можно спокойнее ответил Григорий и добавил тихо: – прощайте, родные мои!

Новый залп ударил по нервам людей. Васса, вскрикнув, схватилась за грудь и привалилась к Шуру.

– Мама, мама, – плачущая Шура не знала, что делать, поддерживая обмякшую Вассу.

Залп следовал за залпом, а вверху, на фоне светлеющего неба, кружились вспугнутые выстрелами чёрные силуэты птиц.